
ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА

Образ Востока в системах мышления и структурах социального действия*

© 2021 г. В.И. Пржиленский

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
Москва, 125993, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: vladprnow@mail.ru

Поступила 17.04.2020

Образы географического пространства и исторического времени, рожденные в практиках поэтического переживания и философской рефлексии, перекочевавшие затем в предметные области социологии, политологии, экономики и других социогуманитарных наук, проделали длительную концептуально-теоретическую и предметно-аналитическую эволюцию. Фактически они превратились в действенные инструменты научного анализа социальных, политических и экономических процессов, сфера применения которых простирается от построения теоретических конструкций и экспертных оценок до принятия управленческих решений и составления футурологических прогнозов. Более того, пришедшие в сферу научно-теоретического и экспертно-аналитического знания из донаучных практик, культурно-исторические образы вернулись в сферу повседневности и стали играть все большую роль в актах самоидентификации, а также в индивидуальных и коллективных поисках идентичности. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что вновь образованные концепты Востока и Запада, Модерна и Архаики, взятые в динамическом измерении, породили свои «процессуальные» производные, наиболее известным и применяемым среди которых стало понятие модернизации, что выразилось, среди прочего, в появлении одноименной теории или даже множества теорий. Между тем, понятиям вестернизации и архаизации повезло меньше: фактически они превратились в термины, используемые в концептуальном пространстве все той же теории модернизации. Наиболее редким в употреблении представляется четвертое из рассматриваемых понятий – понятие ориентализации. Считаным случаем употребления этого термина, найденным автором в современной научной литературе, посвящена данная статья.

Ключевые слова: социальная эпистемология, культурно-исторические образы, вестернизация, архаизация, ориентализация, ориентализм, модернизация, социальные изменения.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-54-64

Цитирование: *Пржиленский В.И.* Образ Востока в системах мышления и структурах социального действия // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 54–64.

* Научное исследование выполнено в рамках государственного задания 075-00293-20-02 от 25 мая 2020 г. Номер темы: FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

The Image of the East in Systems of Thinking and in the Structure of Social Action *

© 2021 Vladimir I. Przhilenskiy

*Kutafin Moscow State Law University,
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation.*

E-mail: vladprnow@mail.ru

Received 17.04.2020

The images of geographical space and historical time, born in the practices of poetic experience and philosophical reflection, subsequently migrated to the subject-matter domains of sociology, political science, economics, and other social sciences, undergoing a long conceptual as well as analytical evolution. In fact, they turned into effective tools for scientific analysis of social, political and economic processes with the scope of application ranging from theoretical constructs and expert assessments to managerial decision-making and futurological forecasts. Moreover, cultural and historical images, arriving into the sphere of theoretical as well as expert-and-analytical knowledge from pre-scientific practices, came back to the sphere of everyday life and began to play an increasingly important role in self-identification, as well as in individual and collective searches for identity. Particularly noteworthy is the fact that the newly formed concepts of the East and the West, the Modern and the Archaic, in their dynamic dimension, gave birth to the “procedural” derivatives thereof, the most well-known and the most broadly applied among which is the concept of modernization, which manifested itself, inter alia, in the emergence of a theory or even many theories of the same name. At the same time, the concepts of westernization and archaization have been less fortunate: in fact, they have turned into the terms used in the conceptual space of the same theory of modernization. The rarest to be used is the fourth of the concepts in question – the concept of orientalization. This article deals with the very few instances of the use of this term found by the author in modern scientific literature.

Keywords: social epistemology, westernization, archaic, Orientalism, orientalization, modernity, modernization, social changes, cultural-historical images.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-54-64

Citation: Przhilenskiy, Vladimir I. (2021) “The Image of the East in Systems of Thinking and in the Structure of Social Action”, *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2021), pp. 54–64.

Географическое пространство и историческое время в опыте философской рефлексии (вместо введения)

«Модерн» и «архаика», «Восток» и «Запад» долгое время выступали как естественные маркеры исторического времени и социокультурного пространства. Затем из культурно-исторических образов, рожденных философами и поэтами, они превратились в актуальные понятия политики и публицистики, став распространенными инструментами социологического, политического и экономического анализа. Во многом

* The scientific research is carried out within the framework of the state assignment 075-00293-20-02 of May 25, 2020. Topic number: FSMW-2020-0030 “Transformation of Russian law in the face of great challenges: theoretical and applied foundations”.

благодаря этому названные ориентиры «пространственно-временного континуума» социальной реальности сегодня выступают как эффективные средства обоснования политической идеологии и как способы формирования индивидуальной и коллективной идентичности. Независимо от того, являются ли артикуляции отношения к культурно-историческим образам стихийными или же, как полагают адепты конспирологических теорий, ими кто-то способен искусно управлять и даже манипулировать, образы Модерна и Архаики, Востока и Запада давно уже обрели статус смысловых ориентиров, регулирующих функционирование институтов и управляющих трансляцией ценностей [Пржиленский, Пржиленская 2019].

Общенаучная и частнонаучная инструментализация пространственно-временных образов находит свое закрепление в многочисленных теориях, активно эксплуатирующих понятия Модерна и Запада [Kalberg 1980; Huntington 1993]. Созданные таким образом теоретические конструкции не только концептуализировали указанные образы, но и легли в основу господствующего сегодня представления об исторической и логической связи Модерна с Западом, что стало затем причиной невольного объединения Архаики с Востоком.

Кажущаяся очевидной и скорее всего являющаяся таковой конфигурация «пространственно-временного континуума» характерна не только для теоретических описаний, аналитических докладов и экспертных оценок – в упрощенно-популяризованном виде она активно проникает в умы людей, а образы пространства и времени становятся устойчивыми элементами массового сознания. Индивидуальные фобии и коллективные страхи оказаться «вечно вчерашним» или «дрейфовать в азиатском направлении» опираются на труды современных адептов глобальной вестернизации [Greig, Hulme, Turner 2007]. Вновь зазвучавшие благодаря глобализму идеи западной исключительности, восходящие к трудам Т. фон Лауэ и С. Липсета, находят отклик среди широких слоев образованной общественности во всем мире. Таким образом, Модерн и Архаика, Восток и Запад становятся не только философскими понятиями, но и, по факту своего использования, активно претендуют на статус научных терминов, предполагающих если не квантификацию, то по крайней мере верификацию точности и обоснованности своего применения.

Научно-методологическая рефлексия бесстрастно фиксирует многочисленные примеры взаимного замещения понятий «Запад» и «Модерн», а также «Восток» и «Архаика», что указывает на асимметрию выстраиваемого для качественной оценки социальных изменений пространственно-временного континуума. Пока можно только мечтать о превращении этих понятий в некое подобие переменных величин и о точной оценке социально значимых событий и явлений в построенных с их помощью системах координат. Однако частота применения концептуализированных культурно-исторических образов в политическом дискурсе и экономико-социологическом анализе служит явным свидетельством их смыслопорождающей способности.

От мифопоэтических образов к смысловым ориентирам интеллектуальной и социальной жизни

Обращение к статистике и выход на уровень фактических данных несомненно «очищают» дискурс от умозрений и предпочтений, но затрудняют оперирование столь умозрительными и ценностно перегруженными концептуальными оппозициями как Восток – Запад или Архаика – Модерн. Между тем зависимость наблюдений от точки зрения, приводящая к многообразию описаний, порождает неограниченное количество интерпретаций. Проблемы эмпирического выявления и инструментального измерения социальных изменений, а также трудности их теоретического объяснения и ретроспективной оценки не остановили философскую мысль, которая совершенно не готова отказаться от понятия социального прогресса.

Чего только не сказано и чего только не написано в дискуссиях о том, что в жизни человека и общества можно относить к новому (передовому, прогрессивному), а что

к старому (отстающему, регрессивному). Со времен Античности критерии оценки выводились из теории. Но если теорий несколько, то выбор между ними зависит от того, были ли они апробированы на практике. Если же не были, то их сравнивают по сугубо теоретическим основаниям, таким как объяснительная способность, строгость, обоснованность, логичность, универсальность, простота или даже красота. Но после того, как сравниваемые теории были положены в основу политических или экономических реформ, важных управленческих решений или прогнозов, их конкурентные преимущества измеряются иными критериями: логические и концептуальные достоинства отступают на второй план, уступая оценке практической эффективности.

Мы живем во время активной «пролиферации» теорий Модерна, когда их становится много, они активно изменяются и модифицируются. Более того, в любой дискуссии каждая такая теория присутствует или фрагментарно, или даже в виде вольных интерпретаций, не говоря уж о так называемом популярном изложении. В этих условиях никакие факты не могут получить единой и всеми разделяемой оценки. При этом движение общества, его переход от старого к новому чаще всего определяют, руководствуясь здравым смыслом. Даже европейские интеллектуалы не сразу заметили среди этих несомненных признаков Модерна и Запада, нейтрализующие их черты Архаики и Востока, обусловленные мобилизацией и имитацией.

Между тем, технология и стратегия оценки социально значимых событий, процессов и явлений крайне важны как для власти, так и для ее критиков. Как пророк или учитель тот, кто владеет этой технологией, получает право «давать имена предметам», квалифицируя одни как хорошие, а другие как плохие. Совсем как врач, он диагностирует социальные болезни и патологии, выписывает рецепты лечения и указывает пути, ведущие к выздоровлению. Тем самым он обретает власть над людьми, обществами, государствами. Одним апелляция к якобы имеющемуся у него знанию о Модерне позволяет победить своих политических оппонентов, другие используют тему современности для того, чтобы оказать влияние на принятие управленческих решений, третьи надеются подорвать общественные устои, дискредитировать ценности. Но при этом сама концепция модернизации также дискредитируется, в ней перестают видеть разновидность научно обоснованного планирования, в лучшем случае относят ее к разряду идеологий, а в худшем – определяют ее как средство внешнего управления отсталыми странами. Действительно, первоначально теории модернизации разрабатывались американскими теоретиками для постколониальных стран Африки, а затем были предложены всем остальным государствам, чьи правительства хотели догнать США путем копирования его институтов и ценностей. После краха коммунистического проекта эти теории стали практически безальтернативным средством разработки и реализации реформирования самых разнообразных сфер социальной жизни.

Многообразие культурно-исторических оптик в экспертных оценках

Не все согласны с тем, что каждое социальное явление можно легко и бесспорно отнести к числу прогрессивных или регрессивных. Помимо распространенной в книгах и статьях оценки общества как архаичного или современного, застойного или модернизирующегося, европейского или неевропейского имеет значение также индивидуальная и коллективная самооценка, артикулируемая в тех же самых терминах. О курьезах, возникающих в структуре и содержании аутопозиса, использующего семантические ресурсы концептов «модерн» и «модернизация», не без иронии писал Н. Луман. Он обратил внимание на вольно или невольно рождающуюся интригу, завязывающуюся вокруг понятий «реализация» и «модернизация», отметив во многом искусственный характер их образования. «К своеобразиям самоописания современного (modern) общества, – отмечал Н. Луман, – относится то, что оно нуждается еще в какой-то “модернизации”. Подобно тому, как индивидам пытаются внушать, что они не только являются реальными, но еще и нуждаются в какой-то самореализации, так и общественная теория модерна как бы исходит из того, что современное общество еще

не является современным и должно еще что-то для себя наверстать, чтобы в конечном итоге стать современным» [Луман 2009, 233].

Теориям модернизации нет числа, понятие вестернизации также широко употребляется социальными теоретиками. А.А. Зиновьев предпочел обозначить термин «вестернизация» словами русского языка, благодаря чему в специальной литературе появились «западнизация» и «западнизм». Об архаике и архаизации также написано немало. Гораздо менее распространенным является четвертый термин, связанный с образами пространства и времени в концептуализации опыта исторического бытия. Речь идет об ориентализации, то есть о движении на Восток. В литературе можно встретить данный термин в разных значениях: разными авторами ориентализация понимается и как средство закрепления колониализма, и как художественный прием, и как процесс социальных изменений. Рассмотрим эти случаи.

Понятие ориентализации по своему смыслу не всегда является непосредственным производным от понятия востока (ориента), иногда между ними вклинивается термин «ориентализм». Понятие ориентализма определяется в специализированной литературе как система мысли, согласно которой Востоку как культурно-историческому типу соответствует свой образ мысли и свой тип дискурса, своя отличная от западной система ценностей [Cheng 2008, 1003].

Данный термин нашел широкое применение в культурологии и ряде смежных дисциплин. «Незападный» взгляд на культуру, делающий возможным диалог культур и рождающий культурно-историческую компаративистику как особый жанр литературоведения, получил продолжение в социально-политической тематизации непонимания Востока европейцами.

Популяризатором понятия ориентализма в современной гуманитаристике выступил Э. Саид, описывавший допущения и предвзятости западного взгляда на восточную картину мира и восточный тип ментальности. Американский исследователь арабского происхождения видел в этом термине выражение идеологии колониализма и колониалистского типа мышления. Опираясь на идеи конструирования социальной реальности, Э. Саид выявил и описал роль политического опыта колонизации в определении идеи Востока, его культуры и истории сквозь призму силы и власти над колонизируемыми обществами. «Верить в то, что Восток рукотворен или, как я говорю, “ориентализирован” и в то же время – в то, что это произошло лишь в силу закономерностей воображения, значит быть совершенно неискренним. Восток подвергся “ориентализации” не только потому, что открылся его “ориентальный” характер во всех тех смыслах, которые считались общим местом в Европе середины XIX в., но также и потому, что его можно было сделать “ориентальным” (то есть его вынудили быть таковым)» [Saïd 2006, 5–6].

Мысль Э. Саида выражена предельно просто, хотя и развернута в довольно стройную систему аргументации. Европейцы ни в процессе завоевания, ни в ходе последующей колонизации не хотели слышать и тем более слушать голос колонизируемого. А когда пришел черед управлять покоренными странами и народами, вне зависимости от того, были ли они покорены силой оружия или поставлены в неравное положение мерами технического господства и экономического доминирования, во всех случаях их взору предстал мир, лишенный как права голоса, так и всех остальных прав. Именно так и был сформирован образ Востока, представший в рефлексии интеллектуалов как особый, противостоящий Западу культурно-исторический тип. Но можно ли понять другую культуру? Как отмечает А.В. Смирнов, «каждая из культур ищет в другой то, к чему привыкла сама, ищет привычное ей – то, что соответствует ее исходной интуиции. Понимание – это встраивание в привычную эпистемную цепочку, а значит, сведение развернутости к исходной интуитивной свернутости. Эпистемная цепочка “привычна” потому, что внедрена в наше сознание многообразными культурными практиками, так что предполагаемые ею когнитивные операции мы совершаем не задумываясь, “на автомате”» [Смирнов 2019, 73].

Близкий по своим взглядам к идеям Э. Саида М.М. Хасан обращается к понятию ориентализации в своем анализе присутствия предвзятости в западном понимании

проблемы гендера. В своей статье «Ориентализация гендера» он исследовал позицию по интересующему нас вопросу другого критического течения западной мысли – феминизма.

М.М. Хасан не может скрыть удивления от того обстоятельства, что мысль феминисток, направленная на выявление и дискредитацию стереотипов, обусловленных мужским доминированием, не проявляет солидарности с, казалось бы, родственными по своему направлению и смыслу антиколониалистскими эскападами критиков ориентализма. Он обвиняет представительниц феминизма в том, что последние необоснованно и предвзято «ориентализируют» женщин восточных обществ. М.М. Хасан приводит цитаты и ссылки из феминистских текстов, где незападные женщины всегда бедны и невежественны, привязаны к традициям и мужу, чем отличаются от свободных и независимых, образованных и самостоятельных западных представительниц «слабого» пола [Hasan 2005, 27].

Приведенные выше примеры показывают, что понятие ориентализации может быть использовано как производное от понятия ориентализма. Употребление данных понятий Э. Саидом и М.М. Хасаном относит их к разряду однозначно негативных особенностей западного мышления. Вся их аргументация направлена на критику познавательной и оценочной установки ученых, которые, сталкиваясь с незападными явлениями, сразу же переходят к иной системе координат или же, оставаясь в рамках прежней, перемещаются в другую часть этой системы, где все значения автоматически «умножаются на минус».

Ориентализация: «управляемая иллюзия» творческого сознания

Данный термин можно встретить также в исследованиях филологов и искусствоведов, которыми «ориентализация» квалифицируется как художественный прием, основанный на различении культурно-исторических типов. Так, российский исследователь П.В. Алексеев описывает ориентализацию художественного материала, осуществленную А.С. Пушкиным в его рассказе о походе 1829 г., участникам которого пришлось совершить путешествие по землям иной культуры – культуры Востока. Для лучшего понимания читателем переживаний и удивлений путешественника автор стремится посмотреть на описываемые явления иным взглядом, принципиально отличающим восточную культуру от западной. «Ориентализация пространства, – пишет П.В. Алексеев, – в любом травелоге – это семиотический процесс творческого освоения наблюдаемой территории, при котором она наделяется специфическими чертами “восточности” в дискурсе ориентализма. Ориентализация – это диалектический механизм “изобретения” Востока» [Алексеев 2014, 5].

Нетрудно видеть, что все негативные коннотации, связанные с термином «ориентализация», исчезают, а сам ориентализм, столь последовательно критикуемый Саидом, Хасаном и другими антиколониалистами, здесь понимается скорее романтически: не как единственно возможное и эффективное средство колонизации, а как право каждого автора творить тот Восток, который его художественное воображение способно будет создать. «Восточность, или ориентальность, при этом прямо не обусловлена спецификой локуса: как показали саидовские и постсаидовские исследования, исключительным правом конструирования образа Востока обладает сам субъект ориентализации – путешественник, ученый, торговец, дипломат и др., и в каждом конкретном случае он самостоятельно (но все же в рамках ориентализма) решает вопрос о том, где и как проводить границу на мифопоэтическом глобусе» [Там же, 7].

То, что П.В. Алексеев называет семиотическим процессом, направленным на «творческое освоение» наблюдаемой территории, может быть истолковано как результат критико-рефлексивного различения двух оптик: внешней и внутренней. Перед тем как впервые взглянуть на представляющую интерес территорию, не говоря уж о том, чтобы вести за ней длительное наблюдение и описывать его результаты, наблюдатель заранее готовит себя к тому, чтобы не воспринимать увиденное без погружения в иной мир, иную культуру, иную ментальность. Иными словами, для того, чтобы увидеть

мир Востока глазами людей, его населяющих, необходимо проникнуться к нему любовью и восхищением. Именно так и поступает А.С. Пушкин, мысленно отождествляя себя с героем повествования. Нет сомнения в том, что данная трактовка термина «ориентализация» не тождественна ни саидовской, ни постсаидовской, но скорее выступает как их противоположность. С позицией Э. Саида и М.М. Хасана подход П.В. Алексеева сходен только в том, что ориентализация – это конструирование Ориента или диалектический механизм его изобретения.

Социальный дрейф в Азию: ориентализующиеся институты и ценности

Автору известны всего два случая, когда ориентализация рассматривалась как социальный процесс, преобразующий не только познавательные установки исследователей, но и саму социальную действительность. С этой точки зрения ориентализация имеет место только в том случае, когда «овосточиваются» институты и ценности, габитусы и практики. Восток «застывает» и «овеществляется» в этой новой социальной реальности, наполняя ее содержанием, рожденным и закрепленным в обществах, находящихся в совершенно иной – восточной части света.

Первый такой опыт принадлежит перу советского филолога С.С. Аверинцева, описывавшего в процессе изучения генезиса византийской поэтики ориентализацию восточного Средиземноморья при переходе от Античности к Средневековью. Относящиеся к антиковедению и медиевистике академические исследования позволяют увидеть трансформацию институтов и ценностей, сближающую ранневизантийский социум с традициями и духом Востока. Этот процесс происходит по мере удаления повседневной жизни византийцев от социальных норм и практик, характерных для предшествующего исторического периода, что квалифицируется С.С. Аверинцевым как удаление от норм и практик Запада. «Здесь мы переходим к тому процессу ориентализации Средиземноморья, – пишет С.С. Аверинцев, – внутри которого развивались и психология цезаризма, и психология христианства. Ибо установление империи означало торжество такой системы отношений между властью и человеком, которая оказалась непривычной для греко-римского мира, но была давно отработана в ближневосточных деспотиях» [Аверинцев 1997, 60].

Аргументы, приводимые С.С. Аверинцевым в пользу своего тезиса о транзите из восточных деспотий «системы отношений между властью и человеком» на земли греко-римского мира, позаимствованы у тех политических мыслителей, которые описывали отличия демократии от тирании и тоталитаризма. Сократ, обвиненный в преступлениях, заслуживающих смертной казни, был уверен в своем праве говорить столько, сколько потребуется для собственной защиты. Более того, он знал, что его тело защищено от посягательств законом и обществом, этот закон чтущим. «Афинский мудрец твердо знает, что его могут умертвить, но не могут унижить грубым физическим насилием, что его размеренная речь на суде будет длиться столько времени, сколько ему гарантируют права обвиняемого, и никто не заставит его замолчать, ударив по лицу или по красноречивым устам (как это случается в новозаветном повествовании с Иисусом и с апостолом Павлом» [Там же, 62].

В противовес этой сократовской невозмутимости С.С. Аверинцев приводит противоположные примеры, когда восточные вельможи и даже цари могли быть подвергнуты любым телесным наказаниям, таким, например, как ослепление или отрезание ушей, не говоря уж о казнях, где мера жестокости соответствовала в своей чудовищности возможностям человеческой фантазии. При этом, правда, С.С. Аверинцев отмечает и то обстоятельство, что в римском обществе рабы подвергались тем же самым страшным наказаниям и казням и происходило это на вполне законных основаниях. Но граждане древнегреческого полиса, как и позднее римские граждане, не знали подобной участи, что не позволяло им уходить из жизни иначе, как превращая свою смерть в театрализованное представление. Так, даже деспотическое

правление, установившееся в Риме, не помешало Сенеке вскрыть себе вены со стоической невозмутимостью, «демонстрируя» как актуальной, так и потенциальной публике наиболее значимый пример атараксии в действии.

Да, все сказанное характеризует общество, находящееся в процессе глубоких изменений, прошедших не только сквозь души людей, но и через социальные институты и культурные ценности. Однако можно ли назвать ориентализацией процесс ослабления гражданского общества и его институтов? Или речь идет о простой деградации, об уходе от сложного устройства социальной жизни на фоне административного и экономического упадка, утраты инженерных технологий строительства и ремесленного производства, возделывания земли и образования?

Во все времена упрощение социальных отношений называлось упадком, происходившим на фоне варваризации – процесса вытеснения или замещения коренного «цивилизованного» населения пришедшими с востока и севера «варварами». Именно так эти процессы расценивали современники, так его описали древние историки. Но филолог, исследующий общественные изменения на основании того, что он увидел (или услышал) в области поэтики, отметил другое: принятие христианства изменило позднеантичного и раннесредневекового автора. Право голоса получили не свободные граждане, поэтическое самовыражение которых, как и вся их публичная жизнь, было пронизано пафосом представления сродни театральному. На смену им пришли люди с совершенно иным социальным и личным опытом: «Высокопоставленный стоик, продолжая быть актером, с согласия убийц доводящим до конца свою роль; но иудей, которых в массовом порядке прибавляли к крестам солдаты Веспасиана, или те малоазиатские христианки, которых по неприятному долгу службы подвергал пытке эстет и литератор Плиний Младший, находились в совершенно иной жизненной ситуации» [Аверинцев 1997, 60]. Теперь же их голос стал слышен, сохранился в истории, выразил чаяния эпохи. Голос тех, кто не понаслышке знал, что такое пытки и жесточайшие казни, бесправие и «невегласие». Была ли эта перемена ориентализацией? Видимо, да, ибо в поэзии мы находим наиболее точно выраженное самосознание эпохи. В поддержку этого тезиса свидетельствует тот известный всем факт, что на западноевропейских землях пришедшими варварами было сохранено римское право, в то время как византийцы, сохранившие централизованное государство, положили в основу социальной регуляции «административно-командные» методы управления. Таким образом, не могли не воцариться характерные для восточных обществ социальные практики, основанные не на праве и договоре, а на силе и эффективности.

Второй кейс скорее можно отнести к жанру актуальной публицистики – он принадлежит перу журналиста и политолога А.О. Морозова, анализирующего процессы, свидетелем которых он является. «Российская политическая система, – пишет А.О. Морозов, – плавно присоединяется к Кавказу и Средней Азии, под давлением необоримых демографических обстоятельств. Это – дрейф. Россию демографически сдвигает в Азию. За 20 постсоветских лет изменился состав руководящих кадров среднего и нижнего звена. Старые советские “интернационалисты” ушли по возрасту. На их место пришли образованные представители энергичных российских народов. Появились новые молодые смешанные семьи. В крупных городах карьеру делают 30-летние выходцы из Татарстана и Кавказа. Происходит и омоложение диаспор. За постсоветское 20-летие сложился новый состав населения РФ. Произошла мутация» [Морозов 2013].

Тезис о влиянии демографических факторов на социокультурные образцы и ценности трудно опровергнуть, а оценка масштабов такого влияния и скорости его интенсификации зависит от точности статистики и эффективности моделирования. Гораздо труднее оценить политические последствия этого процесса, а также способность системы противостоять внешним воздействиям. Уж коль вокабуляр политического аналитика пополнился такими терминами как «мутация», глубина и масштабность этнокультурного и этноконфессионального влияния оцениваются крайне высоко. И влияние это распространяется на все сферы социальной жизни, не оставляя в стороне такие базовые институты общества, как образование, церковь, государство. Так, комментируя ре-

акцию руководства РПЦ на акцию панк-группы в храме, А.О. Морозов отмечает, что «жесты Патриархии обращены не к “глобальному классу”, а к исламизированным патриотам. Патриархия просто показывает татарам и кавказцам, что ее моральные ориентиры не отличаются от моральных ориентиров ислама. Церковь готовится жить в условиях дрейфа России на Восток... Вместе с этим демографическим дрейфом – “плывут” в Евразию и многие социальные институты. Независимо от содержания федеральной реформы образования, реально, в повседневности система преподавания подстраивается под поколенческий микст молодых евразийцев» [Морозов 2013].

Переходить от наблюдений за общественно значимыми событиями культурной жизни современной России к широким и глубоким обобщениям можно, лишь оставаясь в жанре политической публицистики¹. Обсуждения подобных вопросов неизбежно скатываются к теме клановости, коррупции и иных нарушений, характерных при проведении кадровой политики, в том числе и в современной России. Как будто можно при помощи усиления мер противодействия коррупционному поведению изменить направленность демографических изменений и сопутствующих им перемен в сфере культуры, ценностей и социальных институтов. Аргументом, свидетельствующим в пользу неизбежности ориентализации систем мышления и структур социального действия, является пример столь же неизбежной архаизации, пережитой советским обществом еще в 30-е гг. Начинаясь как ультрамодернистский проект построения коммунизма «в одной, отдельно взятой стране» постепенно перешел в проект реанимации, казалось бы, уже забытых патриархальных ценностей. Хорошо известно, что совершавшие революцию большевики были в массе своей сторонниками прогрессивных, если не радикальных взглядов на институты брака и семьи, образования и воспитания. Но по мере их замещения выходцами из социальных низов и сельской глубинки актуализировались более близкие и понятные им ценности и социальные порядки, попеременно апеллирующие то к «Домострою», то к «Юности честному зерцалу». Так борьба за идеалы коммунизма породила проработки на партийных собраниях морально разложившихся членов партии и публичное осуждение позорящих высокое звание советского человека беспартийных. Архаичное по своей сути «укрепление» института социального контроля административными мерами сочеталось с не менее архаичными практиками образования и воспитания, что явилось очевидным следствием изменения культурных предпочтений правящей элиты.

Необходимо понять, что может означать переход от советской архаики к архаике досоветской. Будет ли она путешествием во времени: от России постсоветской и прозападной к России досоветской и русской? Или российское общество будет путешествовать одновременно и в пространстве: от общества полувестернизированной фрагментарной и противоречивой Евразии к Евразии полуориентализированной или даже просто ориентализированной? От ответа на эти вопросы зависят точность экспертной оценки, ясность политико-управленческого целеполагания, завершение поисков индивидуальной и коллективной идентичности.

Заключение

Географическое пространство и историческое время, впервые приобретшие характер поэтических образов и осмысленные в опыте философской рефлексии, затем оказались востребованы в экспертных оценках социально значимых событий, что сразу же нашло свое применение в управленческих практиках и привело в конечном итоге к инструментализации идентичности. Произошедшая более трех столетий назад научная революция, основу которой составила математизация природы, стала возможной благодаря введению Галилеем принципа относительности и разработке Декартом особой системы координат, центр которой может быть помещен в любую точку в зависимости от потребностей и возможностей производящего измерения наблюдателя. Тем самым был создан инструмент, уравнивающий разные точки зрения, а значит – делающий возможным сравнение, соизмерение и объединение данных, полученных раз-

ными наблюдателями, но с помощью общей технологии. Благодаря этому разделенные прежде процессы изучения, планирования и конструирования становятся частями единого процесса рациональной познавательной-созидательной деятельности.

Аналогом декартовой системы координат в социогуманитарных науках могла бы стать конструкция, посредством которой определялась направленность административно-управленческих, политико-правовых, хозяйственно-экономических и социокультурных изменений. Ее актуальность обусловлена увеличивающимся числом концепций современности и теорий социальной модернизации. Еще более эта конструкция была бы востребована в аналитической деятельности, позволяющей оценивать факты с точки зрения движения социальных систем в том или ином направлении. Так, одну из осей – ось абсцисс – можно было бы условно назвать шкалой времени и расположить по ее краям понятия «старое» и «новое». В этом случае любое перемещение слева направо можно было бы называть модернизацией, а движение в обратном направлении – архаизацией. Ось ординат в этом случае позволяла бы «измерять» изменения по линии «Восток – Запад» и обобщать накопленные констатации фактов с помощью понятий «вестернизация» и «ориентализация».

Проектируемая система координат позволяет проложить путь к созданию единой метрики, в рамках которой «под единый знаменатель» были бы подведены события разной природы от исторических событий и политических решений до социальных институтов и культурных ценностей, а также от этноконфессиональных архетипов и идеологических установок до технических инноваций и научных открытий. Не следует забывать, что Восток и Запад, Модерн и Архаика – это всего лишь идеальные типы, сконструированные по итогам множества сравнений, обобщений, оценок и рефлексии. И хотя эти типы создавались и совершенствовались социальными теоретиками, они давно уже переместились из пространства философской или научной теории в область политической идеологии, а также в сферу планирования экономического развития. Более того, Восток и Запад, Модерн и Архаика давно уже превратились в любимые темы публицистов и даже в маркеры массового сознания. Между тем данные идеальные типы сохраняют теоретическую функцию ориентиров и оснований для оценки социальной жизни, которая в зависимости от интерпретации может быть как позитивной, так и негативной. Модерн и Запад в сознании ученых и образованных обывателей имеют непосредственное отношение к будущему, им приписываются динамизм и продуктивность, в то время как Архаика и Восток устойчиво ассоциируются с прошлым, статичностью и бесплодием. Таким образом, складывающаяся система координат позволяет уверенно расставить знаки «плюс» и «минус», то есть отметить стрелками направление движения от Востока к Западу и от Архаики к Модерну.

Несмотря на всю условность данной системы и несмотря на амбивалентность стоящей за ними семантики, образы пространства и времени давно уже вышли за пределы умозрительных построений и политических идеологий. Кажущаяся очевидность значения «вновь образовавшихся» понятий привела к массовому и неотрефлексированному их использованию в экспертных оценках, управленческих практиках, а также в формировании индивидуальной и коллективной идентичности. Идеи Модерна и Архаики, Востока и Запада сегодня превратились в смысловые ориентиры, играющие первостепенную роль в функционировании институтов и трансляции ценностей. Вот почему недостаточная экспликация и слабая распространенность терминов «Ориент» и «ориентализация» скорее всего есть явление случайное и временное.

Примечание

¹ Так, можно в своих суждениях опираться на цифры, извлекаемые из списков ФОРБС, вроде опубликованных Лентой.ру в 2014 г. данных об этническом составе богатейших граждан России, согласно которому «существенная разница между этнической структурой Российской Федерации и национальной структурой списка богачей» наблюдается потому, что «различные этнические группы, используя корпоративную солидарность и реакцию на начало “эры капитализма”, сумели включиться в экономическую и политическую жизнь принципиально нового типа» [Проект «Ленты.ру» 2014].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

- Аверинцев 1997 – Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997 (Averintsev, Sergey S., *Poetics of Early Byzantine Literature*, in Russian).
- Луман 2009 – Луман Н. Самоописания. М.: Логос, Гнозис, 2009 (Luhmann, Niklas, *Die Gesellschaft der Gesellschaft*, Russian Translation).
- Huntington, Samuel (1993) “The Clash of Civilizations?”, *Foreign Affairs*, Summer 1993, Vol. 72 (3), pp. 22–49.
- Lipset, Seymour M. (1960) *Political Man: the Social Bases of Politics*, Doubleday Garden City, New York.
- Said, Edward W. (2006) *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*, Penguin, London.
- Von Laue, Theodore H. (1987) *The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective*, Oxford University Press, New York.
- Zaslavsky, Victor (1985) “Contemporary Russian Society and Its Soviet Legacy”, Grancelly, Bruno, ed., *The Problem of State-Dependent Workers in Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, pp. 45–63.

Ссылки – References in Russian

- Алексеев 2014 – Алексеев П.В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 5–12.
- Морозов 2013 – Морозов А. Дрейф в Евразию // Русский журнал. 1 февраля 2013 г. URL: <https://shiropaev.livejournal.com/167306.html>
- Пржиленский, Пржиленская 2019 – Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б. Социальная архаизация: экспликация, операционализация, концептуализация // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 37–48.
- Проект «Ленты.ру» 2014 – Кому на Руси жить хорошо? Проект «Ленты.ру» по изучению элиты – этнический состав богатейших граждан России. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/10/27/reachethnic/>
- Смирнов 2019 – Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Садра: ЯСК, 2019.

References

- Alekseev, Pavel V. (2014) ‘Orientalization of Space in “Journey to Arzrum during the campaign of 1829” A.S. Pushkin’, *Bulletin of Tomsk State University*, Vol. 382, pp. 5–12 (in Russian).
- Diawara, Mamadou (2000) “Globalization, Development Politics and Local Knowledge”, *International Sociology*, Vol. 15 (2), pp. 361–371.
- Grieg, Alastair, Hulme, David, Turner, Mark (2007) *Challenging Global Inequality: Development Theory and Practice in the 21st Century*, Palgrave, New York.
- Hasan, Md. Mahmudul (2005) “The Orientalization of Gender”, *American Journal of Islamic Social Sciences*, Vol. 22 (4), pp. 28–56.
- Kalberg, Stephen (2005) “The “Rationalism” of Western Civilization’, Kalberg, Stephen, ed., *The “Rationalism” of Western Civilization*, Blackwell Publishing Ltd, pp. 53–67.
- Morozov, Alexandr O. (2013) “Drift to Eurasia”, *Russky Jurnal*, 1 February 2013, URL: <https://shiropaev.livejournal.com/167306.html> (in Russian).
- Przhilenskiy, Vladimir I., Przhilenskaya, Irina B. (2019) “Social Archaization: Explication, Operationalization, Conceptualization”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5, pp. 37–48 (in Russian).
- Smirnov, Andrey V. (2019) *The All-Human vs. the Generally-Human*, Sadra, Yask Publ., Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ПРЖИЛЕНСКИЙ Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Куцафина (МГЮА).

Author’s Information

PRZHILENSKIY Vladimir I. – DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University, Moscow.